

УДК 808.2

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОЙ КРИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

© И.Б.Серебряная

Статья посвящена акцентологическим оценкам в русской критической литературе первой половины XIX века. Рассматриваются проблемы нормы и отклонения от нее, вопросы соотношения объективного и субъективного в языковом развитии.

Ключевые слова: культура речи, история норм ударения, критика стихотворного языка.

Ударение, составляющее основу ритмичности русского стиха, организующее его метрику и строфику, – важнейший инструмент стихотворца, позволяющий ему создавать разнообразие художественных форм. Вместе с тем ударение, чрезвычайно прихотливое и неустойчивое в русском языке, создающее подчас у поэта иллюзию полнейшей свободы и возможности бесконечно варьирования, нередко было источником грубых ошибок.

Однако критики, оценивая язык текущей литературы, уделяли вопросам ударения далеко не столь большое внимание, как этого следовало бы ожидать, и высказывания такого рода, касавшиеся, естественно, лишь стихотворных произведений, встречались в русской критической литературе первой половины XIX века значительно реже, чем замечания грамматического, лексико-семантического или фонетико-орфоэпического плана. По-видимому, это было связано с тем, что к нарушениям ударения критики относились зачастую как к традиционным, восходящим к XVIII веку допустимым поэтическим «вольностям» и потому нередко обходили такого рода погрешности молчанием. Л.А.Булаховский справедливо отмечал, что с «вольностями» в сфере ударения «не боролись и полной последовательности в этой стороне языка не считали нужным требовать» [1: 142]. Впрочем, Н.Остолопов, составитель «Словаря древней и новой поэзии» (1821 г.), все же включил в статью «Погрешности в стихосложении» пункт «Когда слова полагаются против принятого ударения в слогах» [2: 379-380].

Однако факты свидетельствуют о том, что многие рецензенты весьма снисходительно относились к отступлениям от правил ударения. Характерен, к примеру, следующий случай. В рецензии на поэтический сборник Е.Ростопчиной С.П.Шевырев, в целом высоко оценив художественные достоинства стихотворений автора, подытоживая сказанное, написал: «Мы охотно да-

же позабываем неправильность иных ударений в словах» [3: 182]. Примечательно также, что А.С.Шишков, который пристрастно критиковал лексические, грамматические и даже фонетико-орфоэпические погрешности в стихотворных произведениях литературных противников, не затрагивал в этих оценках акцентологическую сферу, объясняя это немалыми трудностями, встающими в данном отношении перед поэтом. Автор «Рассуждения о старом и новом слоге» писал, что «трудность сложения стихов состоит в том, что естественному и порядочному расположению слов часто препятствует наблюдение порядка в ударении слогов, и обратно: наблюдению порядка в ударении слогов часто препятствует естественное и порядочное расположение слов» [4: 397-398]. По убеждению Шишкова, счастлив «тот Стихотворец, который может украшать стихи свои тем и другим», однако при разборе стихов на первом месте все же остается не ударение, не стопа и не рифма, а «смысл», содержание [4: 397-398].

На недостаточном внимании русской критики к вопросам ударения сказались также общая неразработанность акцентологического направления в лингвистической науке XVIII – первой половины XIX века и отсутствие удовлетворительных нормативно-справочных пособий. Любопытную информацию об этом можно найти в «Российской грамматике» А.А.Барсова, который в 80-е годы XVIII столетия сетовал, что «особенных и подробных правил о том, на который точно склад в каждом слове ударение должно сделать в выговоре..., поныне из российских Грамматиков никем не передано, по причине великих и может быть непреодолимых трудностей» [5: 79-80]. По мнению Барсова, для преодоления этих трудностей отчасти могло бы оказаться полезным «внимательное и твердое чтение церковных книг», поскольку в некоторых из них имелись «силы» (знаки ударения); кроме того, как писал Барсов, с этой целью возможно также об-

ращение к стихам, но не ко всем, а только – «искусными писателями правильно сочиненным». И лишь «напоследок» грамматист рекомендовал справляться «с лексиконами или словарями Российскими», но – с большой осторожностью, поскольку «в некоторых из них, иностранцами изданных, премногие ударения изображены ложно» [5: 82].

Примечательно, что, хотя Барсов и советовал в трудных случаях постановки ударения обращаться к стихотворным произведениям искусных авторов, он сам же привел в своей «Грамматике» пример ошибочного, по его мнению, акцента *си́и* вместо правильного *си́и*, зафиксированного им у «первенствующаго въ Российских стихотворцах Г. Ломоносова». При этом грамматист, признавая важную роль поэзии в становлении акцентологических норм, уверял, что под влиянием погрешности, допущенной столь известным поэтом, неправильное ударение «усиливается» в употреблении [5: 82]. Все это было сказано в конце XVIII века, когда специальных разделов, посвященных ударению, в грамматиках еще не было. Позже, в пособиях 1-й половины XIX века, появились достаточно подробные самостоятельные главы, освещающие вопросы ударения. К примеру, в «Российской грамматике, сочиненной Императорскою Российскою Академиею» (1802 г.), имелся соответствующий раздел правил акцентуации разных частей речи, где тоже была сделана ссылка на стихотворцев, своими «вольностями» расшатывающих нормы ударения [6: 245-273]. Весьма полный материал по ударению содержался также в «Русской грамматике» А.Х.Востокова (1831 г.) [7: 245-273]. Но даже во второй половине XIX столетия, в 1876 году, Я.К.Грот подчеркивал, что одну из наименее обработанных частей теории русского языка составляют правила ударения [8: 85].

Итак, замечания русских критиков относительно ударения не отличались частотой. При этом те рецензенты, которые все же обращали внимание на погрешности такого рода, в подавляющем большинстве случаев только констатировали ошибки, ничем не аргументируя свое мнение. Нередко ненормативные, по мнению критиков, ударения просто графически выделялись в стихотворном тексте без каких-либо комментариев. Тем не менее каждый такой оценочный эпизод требует самого внимательного рассмотрения и истолкования. При характерном для русской критики 1-й половины XIX века общем невнимании к нарушениям стихового ударения весьма значимы любые, даже самые лаконичные замечания, сделанные по этому поводу. Изучение такого рода оценок позволяет получить бо-

лее полное представление о наиболее важных для носителей языка в целом и мастеров пера в частности культурно-речевых трудностях, связанных с ударением, ибо, если рецензент, пусть и в самой лаконичной форме, все же упоминал о погрешностях стихотворца против ударения, то это, с его позиций, должны были быть самые грубые, недопустимые ошибки. Наряду с этим, индивидуальные оценки ударения могут быть плодотворно исследованы как частный случай проявления общих акцентологических изменений.

Акцентологические поправки, зафиксированные в произведениях русской критической литературы первой половины XIX века, относились к разным частям речи: существительным, прилагательным, глаголам, причастиям, наречиям. Однако в данной статье излагается лишь материал, связанный с именами существительными. В частности, судя по имеющемуся материалу, в поле внимания критиков оказались такие наименования, как префиксальное образование мужского рода со значением лица *праотец*, двусложные существительные мужского рода *сосна* и *глава*, топонимы *Русь* и *Серпухов*.

Ошибочное ударение *праотѣц* вместо нормативного акцента *пра̀отец* усмотрел в одном из сонетов Н.И.Бутырского О.И.Сенковский, который, однако, не посчитал нужным привести в рецензии соответствующие строки [9: 39]. Речь, по всей вероятности, шла о стихотворном посвящении «Ученицам и ученикам автора сонетов», где это слово находилось в таком контексте: *Какъ Праотец во время оно, Въ стремленьи всех вас обхватить, Иметь Его хотел бы лоно* [10: 2]. Строго выдержанный четырехстопный ямб, в самом деле, предполагает именно прочтение *праотѣц*, хотя ритмический строй стихотворения, как можно видеть, позволяет прочитать слово *праотец* и с правильным ударением на первом слоге, в связи с чем можно предположить известную предвзятость критика.

Вместе с тем замечание Сенковского является отголоском действительно существующей неустойчивости ударения в формах данного слова. По наблюдениям исследователей [11: 75], перенос ударения с префикса на корневую основу в формах образования *праотец* – явление, нередкое в стихотворном языке 1-й половины XIX века. Особенно часто встречалась форма родительного множественного с орфографически подчеркнутым ударным *-ов* (*праоти́овъ*), обычно размещаемая в конце стихотворной строки и организующая рифму. Например: *Честолюбив и горд лишь славой праотца, А сам вялее, чем падуйская овца* (И.И.Дмитриев Сокращенный пере-

вод Ювеналовой сатиры о благородстве. 1803); *Тогда бы грудью став средь доблестных бойцов, За греков мщенье, честь и веру праотцов* (А.С.Хомяков. Послание к Веневитиновым, 1821); *Ты крепкий, праведный стоятель За Русь и силу праотцов, Почтенный старец собиратель Старинных песен и стихов* (Н.М.Языков. П.В.Киреевскому, 1845) и т.п. [12]. Причем поэты иногда варьировали обе акцентные парадигмы (т.е. с префиксальным и с начерновым ударением) данного слова. Сравните у одного и того же автора: *Не постыдитесь, что лик богов священный Иссеченный из пня и пылью покровенный В жилище праотцев уединен стоит* (К.Н.Батюшков. Тибуллова элегия X, 1809-1810), но: *Здесь все питает вдохновенье: Простые нравы праотцов, Святая к родине любовь И праздно роскоши презренье* (К.Н.Батюшков. Переход через Рейн, 1816-1817) [12].

По наблюдениям В.Л.Воронцовой [11: 74], префиксальное ударение характерно для двусложных образований мужского рода типа *прадед*; у аналогичных же существительных с префиксом *пра-*, состоящих из трех и более слогов, ударение обычно падает на тот же слог, что и в производящем слове: *язык* – *празык*, *родитель* – *прародитель*. По-видимому, эта перетяжка акцента у более протяженных слов обусловлена в немалой степени произносительным неудобством. В этом отношении трехсложное существительное *праотец*, которое по сей день имеет нормативное ударение на первом из слогов, является своеобразным отступлением от общих закономерностей. Это связано, как кажется, с причинами лексико-семантического плана: слово *праотец*, обозначающее степень родства, уподоблялось в нормативно-акцентологическом отношении однотипным по семантике и родовой принадлежности префиксальным образованиям типа *працур*, *правнук* или *прадед*.

Однако имела место и другая аналогия, способствующая перетяжке ударения с префикса *пра-* на корень *отец*, – наименования родства по женской линии, типа *праматерь*, *прабабка* и под., имевшие акцент на корневой морфеме. Примечательно, что если современные словари рекомендуют для падежных форм существительного *праотец* неподвижное ударение: *праотец* – *праотца*, *праотцу* и т.п. [13: 499; 14: 423], то в «Словаре Академии Российской» (1789-1794 гг.) санкционировалось передвижение акцента в косвенных падежах этого имени на флексию: *Праотець, тца* [15; 4: 667]. Однако в 1-й половине XIX века это считалось уже ошибкой: «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Император-

ской Академии наук» (1847 г.), предлагал для данного слова только неподвижное префиксальное ударение [16; 3: 422]. Таким образом, критик в данном случае требовал неуклонного соблюдения литературной кодифицированной акцентной нормы, исходя при этом из необходимости ритмической четкости стиха и не допуская возможности двоякого произношения слова.

Заметной областью колебаний ударения в русском языке были и остаются двусложные существительные женского рода типа *петля*, *баржа*, *нужда* [8: 113-118]. Отражением этой акцентной неустойчивости является любопытный случай оценки, связанный со словом *сосна*. Форму предложного падежа единственного числа *на сосне* выделил, отметив ударением и тем самым косвенно продемонстрировав свое отрицательное отношение к данной акцентуации, В.Г.Белинский. В статье 1843 года, посвященной выходу в свет сборника стихов Е.Л.Милькеева, критик отметил: «В стихотворении «Буря» у Г. Милькеева ... черный ворон сидит *на сосне*» [17: 43]. Акцентные колебания *сосна* и *сосна́* были обычными для поэзии 1-й половины XIX века. Сравните: *Черными ветвями машет мне сосна, Тусклыми лучами светит мне луна* (М.Л.Михайлов. Дорога, 1845); *На севере диком стоит одиноко На голой вершине сосна И дремлет, качаясь, И снегом сыпучим одета, как ризой, она* (М.Ю.Лермонтов. На севере диком..., 1841); *Ее стан величав Как сосна на холме, Под которым Синав позабыл о земле* (А.Н.Муравьев. Певец и Ольга, 1826) и т.п., но: *Он к войску шел, как в океане Валится в бурю черный вал, И стал, как сосна на кургане. И громогласно провещал* (К.Ф.Рылеев. Мстислав Удалый, 1822); *И сосна вековая Перед тобой дрожит, К земле главу склоняя* (В.Н.Григорьев. Горный поток, 1821); *Как гордая сосна, листов не меняя, зеленая в осень и в зиму стоит, Равно неизменная дружба святая До гроба живительный пламень хранит* (Н.И.Гнедич. Дружба, 1810) и т.п. [12].

Ударение *сосна-сосны-...сосну...* неоднократно встречалось у А.С.Пушкина: *И сосну на плечо взвалил А на другое для совета злодея брата послал* (Руслан и Людмила, 1817-1820); *На ветви сосны преклоненной, Бывало, ранний ветерок Над этой урною смиренной Качал таинственный венок* (Евгений Онегин. Гл.7, 1827-1828) и т.п. [12]. Впрочем, у Пушкина это существительное также было возможно и с ударением на флексии: *Весть царевну в глушь лесную И, связав ее живую, Под сосной оставить там На съедение волкам* (Сказка о мертвой царевне..., 1833) [12].

Следует отметить, что, судя по примерам из Национального корпуса русского языка, наосновное ударение данного слова было широко распространено в стихотворных текстах XVIII столетия. Например, *Такими думами себя он веселил И сосну с корня претолстую свалил* (М.М.Херасков. Дровосек, 1763); *Вещайте вы о нем во тьмах уединенных, Где сосна на горе, едва качая верх, священных ужасов мрак теней исполняет* (М.Н.Карамзин. Гимн, 1789); *Как сосна, рында обожжена, Глава до облак вознесена* (Г.Р.Державин. На взятие Измаила, 1790-1791) и т.п. [12].

Автор монографии о русском литературном ударении XVIII-XIX веков В.Л.Воронцова отмечает, что существительное *сосна*, подобно другим двусложным именам женского рода типа *ольха, плита, струна* и проч., прошло путь от постоянного ударения на корне к подвижному ударению с противопоставлением акцентных числовых полупарадигм [18: 62-63]. Это подтверждается лексикографическими данными. Если в «Словаре Академии Российской» (1789-1794 г.) приводилось в качестве нормативного только ударение *сѡсна* (им.ед.) – *сѡсны* (род.ед.) [15: 5: 662], то в «Словаре церковнославянского и русского языка», составленном вторым отделением Академии наук (1847 г.), рекомендовались уже две равные возможности ударения в именительном: *сѡсна* и *соснѧ* [16: 4: 191]. Такие же рекомендации давал несколько позже В.И.Даль [19: 4: 278]. Современные словари [13: 499; 14: 423] считают единственно правильным ударение именительного единственного *соснѧ*, но: *сѡсны* *сѡсен* и т.п.

Возможно, что и у Милькеева, поэта-самоучки, уроженца г.Тобольска [20], ударение *сѡсна* было следствием диалектного влияния. С.П.Обнорский характеризует ударение типа *сѡсна* или *ольха* как специфическую черту северно-великорусских говоров [21; 2: 407]. Негативная реакция на эту акцентуацию В.Г.Белинского может служить свидетельством того, что наосновное ударение существительного *сосна*, несмотря на указанную распространенность данного акцента в поэзии исследуемого периода, воспринималось в 40-е годы XIX века, по крайней мере в среде интеллигентов-разночинцев, как нелитературное, архаично-диалектное и, по видимому, не соответствующее живому употреблению.

Заслуживает внимания еще один случай, связанный с оценкой ударения двусложного существительного женского рода на *-а*: замечание С.П.Шевырева о форме предложного падежа множественного числа *на главах* в стихотворе-

нии А.Н.Майкова «Призыв». Приведя в своей рецензии 1843 года строфу *На главах смоляного бора, Вдали лежащего венцом, Восток пурпуровым ковром Зажгла стыдливая Аврора*, критик определил ударение *на главах* вместо *на главѧх* как «ученическую ошибку» [22: 513].

Церковнославянизм *глава*, подобно существительному *сосна*, к XIX веку изменил прежнюю акцентуацию. Но если для слова *сосна* это изменение коснулось форм единственного числа, то для существительного *глава*, напротив, акцентная перестройка произошла во множественной полупарадигме. Как и в прошлом XVIII веке, в XIX веке нормативными считались формы множественного числа с флективным ударением: *главѧ, главѧм, главѧми, главѧх*. Так, например, в «Российской грамматике, сочиненной Императорскою Российскою академиею» (1802 год; 3-е издание – 1819 год), указывалось, что слова типа *игла, тюрьма, пчела, стрела, пила* и под. во множественном числе сохраняют ударение «на предпоследнем с конца складе» [6: 258]. По утверждению В.Л.Воронцовой, накоренные ударения типа *главы, страны, главам, странам* и т.п. «у поэтов XIX в. еще большая редкость» [18: 55]. Это наблюдение требует уточнения. Действительно, в поэзии 1-й половины XIX века господствовали формы множественного числа с ударением на окончании, но и образования с наосновным акцентом вовсе не были исключены, особенно у стихотворцев 30-40-х годов. В частности, форма именительного множественного *главы*, о которой велась речь, встречалась в поэзии этого времени нередко. Например: *Как высоки церквей златые главы, Как царственно дворцы твои сияют!* (А.А.Фет. Москва, 1843); *Зажгли лучи его живые Соборов главы золотые* (Е.А.Баратынский. Цыганка, 1829-1842); *Тихий вечер мирно над полянами Сумрак синий в небе расстилал, Главы гор оделися туманами, Огонек в прибрежьи засверкал* (А.Н.Майков. Лунная ночь, 1838) и т.п. [12]. Можно привести также случай использования формы предложного падежа множественного числа *(на) главах* А.С.Пушкиным: *Все – мраморные циркули и лиры, Мечи и свитки в мраморных руках, На главах лавры, на плечах порфиры* (А.С.Пушкин. «В начале жизни школу помню я...», 1830) [12]. Хотя и у Пушкина, как у других поэтов его времени, преобладает ударение на флексии: *Не даром (sic!) вы приснились мне В бою с обритыми главами, С окровавленными мечами, Во рвах, на башне, на стене* (А.С.Пушкин. Подражания Корану, 6, 1824); *Как огненный язык, она По избранным главам летает, С одной сегодня исчезает И на другой уже видна* (А.С.Пушкин. Ге-

рой, 1830); *Все члены старцев трепетали, Холодный пот по лицам их бежал, Власы на их главах от ужаса вставали, Невольно зуб об зуб стучал* (А.С.Хомяков. Вадим, 1820); *Над Хутынским монастырем Приметно солнце догорало, И на главах златым лучом, Из туч прокравишись, трепетало* (К.Ф.Рылеев. Державин, 1822) и т.п. [12].

В этих двух противоречащих, по сути дела, одна другой рекомендациях, которые были сделаны в 40-е годы XIX века филологически образованными критиками [23: 99-106, 123-133] по поводу ударения двусложных существительных женского рода *сосна* и *глава*, замечательно отразились характерные для изучаемой эпохи полярные точки зрения на язык поэзии. В соответствии с одной из них, выраженной в данном случае Белинским, язык поэзии должен быть, прежде всего, современным и отражать живое употребление; в соответствии с другой, высказанной здесь Шевыревым, – стихотворный язык должен сохранять традиции старой школы классицизма.

Два замечания об ударении, имеющиеся в собранном материале, относятся к географическим наименованиям. Одно из них – топоним *Русь*. С.П. Шевырев обвинил в ошибочном употреблении форм *Руси* и *Руси́* Н.В. Кукольника. По мнению критика, который, к сожалению, не привел вызвавшие возражение строки, упомянув лишь о том, что речь идет о стихотворных трагедиях поэта, в родительном падеже единственного числа необходимо ударение на первом слоге: *Руси́*; в предложном же (в конструкции с предлогом *–на*) требуется ударение на флексии: *на Руси́* [22: 520]. Действительно, существительное *Русь*, подобно многим другим именам существительным женского рода с основой на мягкий согласный типа *бровь, горсть, дверь, степь, ночь* и прочие, характеризовавшимся исконной подвижно-окситонированной акцентной парадигмой, в местно-предложном падеже, в конструкции с предлогами *в* и *на*, имело флексивное ударение. В родительном же и дательном падежах таких существительных ударное окончание считалось ранее нарушением нормы [7: 154; 17: 66-72]. Однако в стихотворной речи первой половины XIX века встречались нередко отступления от этого правила. В частности, Л.А.Булаховский, иллюстрируя отмеченные акцентные колебания, пишет именно об употреблении слова *Русь* Н.В.Кукольников в трагедии «Рука Всевышнего Отечество спасла» (1834 г.): «У Кукольника преобладает ударение *Руси́*, но встречается и *Руси*: «И для кого? Для матери моей И вашей, для *Руси́*! Он не имеет права Не признавать иль признавать. Наемник Врагов *Руси́*, став русским

воеводой, Повиноваться должен общей воле. Ср.: «... И устремить все способы и силы На пользу, счастье, на блаженство *Руси*» [1:163]. Возможно, именно эти случаи имел в виду Шевырев, сам весьма последовательно, в соответствии с нормами того времени, ставивший ударение в падежных формах существительного *Русь*. Например: *Много рек течет прекрасных В царстве Руси молодой, Голубых, златых и ясных, С небом спорящих красой* (Ока, 1840), но: *Ты на Руси уж начал тот же подвиг* (К Гоголю, 1838) и т.п. [12]. Точно так же совершенно правильно ставил ударение в родительном и предложном падежах слова *Русь* А.С.Пушкин: *Тогда во славу Руси ратной, Стротиву греку в стыд и страх, Ты пригвоздил свой щит булатный На цареградских воротах* (Олегов щит, 1829), но: *Скажи: не стыдно ли, что на святой Руси, Благодаря тебя, не видим книг доселе* (Послание цензору, 1822) и т.п. [12]. Однако многие стихотворцы, подобно Кукольнику, варьировали ударение в падежных формах существительного *Русь* в соответствии с нуждами версификации и даже сочетали иногда разные по ударению, но одинаковые в грамматическом отношении формы этого слова в одной строфе, как это сделал, например, Н.П.Огарев: *Все будут на Руси священной; Ну, в целой Руси, может, нет. А в Петербурге несомненно* (Н.П.Огарев. Юмор, 1840-1841); *Он чванится, что точно русский он; Но если бы таков был весь народ, То я бы из Руси пустился вон* (М.Ю.Лермонтов. Булевар, 1830); *Нет, не видать уж нам Руси святой* (А.С.Хомяков. Ермак, 1825-1826) и т.п. [12].

Второе замечание, также сделанное С.П.Шевыревым по поводу стихотворной драматургии Кукольника, касалось ударения географического наименования *Серпухов*. Критик справедливо указал, что ударение на 2-м слоге, т.е. *Серпу́хов*, «как это «явствует из произношения стиха» (*К Серпухову – Димитрий Самозванец*), является ошибочным: в этом названии подмосковного города акцент должен падать на первый слог: *Сéрпухов*, а не *Серпу́хов* [22: 520]. Нарушение нормы, по-видимому, было обусловлено здесь потребностями версификации: трехсложное, с акцентом на 1-м слоге слово *Серпухов* «трудно» укладывалось в стих. Следует отметить, что эти и другие замечания по поводу ударения профессор российской словесности Московского университета Шевырев сделал в рецензии на «Полную русскую хрестоматию», составленную А.Галаховым (1843 г.). Книга эта, которая, как было сказано в ее подзаголовке, содержала «образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей», предназна-

чалась для учащихся. По мнению Шевырева, такого рода издание должно включать лишь отрывки, безупречные в языковом отношении. «Если ученики, – писал критик, – ... научатся у Г.Кукольника произносить: *Серну́хову* вместо *Сёрнухову*, или не сумеют отличить родительного падежа *Руси* от предложного с предлогом *на Руси*», то Г.Галахов будет своим выбором отвечать за грамматические ошибки учеников своих» [22: 520].

Необходимо учитывать, что понятие грамматики в 1-й половине XIX века существенно отличалось от современного и вопросы ударения тоже считались составной частью грамматического учения.

Подводя итог изложенным выше сведениям об особенностях акцентологических оценок имен существительных в русской критической литературе первой половины XIX века, можно прийти к следующим выводам.

1. Анализ высказываний об ударении свидетельствует о том, что в поле зрения критиков попадали наиболее сложные и актуальные для этого периода акцентологические проблемы, вызывающие немалые трудности у носителей языка. Индивидуально-субъективные суждения о стихотворном ударении, представляющие собой частные случаи общественной оценки и регламентации акцентных явлений, отражают общезыковые акцентологические изменения и потому весьма показательны в плане выявления основных тенденций и закономерностей развития русского ударения.

2. В критических оценках ударения наглядно отразились две полярные точки зрения на язык поэзии, в соответствии с одной из них стихотворный язык должен быть, прежде всего, современным, естественным и отражать живое употребление; в соответствии с другой, «язык богов» должен сохранять традиции старой школы классицизма. Сторонники первой точки зрения (яркий пример – В.Г.Белинский) обычно опирались в своих рекомендациях на живые, общепринятые и наиболее продуктивные акцентные формы, т.е. на узальную норму; приверженцы второй (к примеру, С.П.Шевырев) – искали нормативную опору в грамматиках и словарях, предписания которых нередко отставали от реального развития языка.

3. При характерном для русской литературной критики 1-й половины XIX века общем невнимании к стиховому ударению весьма значимы любые, даже самые лаконичные оценки, сделанные по этому поводу. Изучение такого рода фактов при всех сложностях, встающих при их ис-

следованиях и интерпретации, необходимо, ибо позволяет получить более полное представление о важных для носителей языка в целом и мастеров пера в частности культурно-речевых проблемах и предпочтениях эпохи, связанных с ударением.

1. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века. – М.: Учпедгиз, 1954. – 468 с.
2. *Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. – СПб., 1821. – Ч.2. – 488 с.
3. Москвитянин. – 1841. – Ч.4. – № 7. – 525 с.
4. *Шишков А.С.* Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка. – СПб., 1818. – 438 с.
5. *Барсов А.А.* Российская грамматика. – М.: Москов. гос. ун-т, 1981. – 776 с.
6. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Академиею. – СПб., 1819. – 273 с.
7. *Востоков А.* Русская грамматика. – СПб., 1859. – 283 с.
8. *Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978. – 240 с.
9. Библиотека для чтения. – 1837. – № 23. – 570 с.
10. *Бутырский Н.И.* И моя доля. В сонетах. – СПб., 1837. – Ч. 2. – 51 с.
11. *Воронцова В.Л.* О нормах ударения префиксальных имен существительных // Словарь и культура русской речи. – М.: Индрик, 2001. – С.73 – 83.
12. Национальный корпус русского языка // URL <http://search.ruscorpora.ru> (дата обращения: 22.09.2011).
13. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – Екатеринбург: Весть, 1994. – 800 с.
14. Орфоэпический словарь русского языка. – М.: Рус. яз., 1989. – 688 с.
15. Словарь Академии Российской. – СПб., 1793. – Ч.4. – 1272 с.
16. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. – СПб., 1847. – Т.4. – 487 с.
17. Отечественные записки. – 1843. – Т. 29. – № 8. – 350 с.
18. *Воронцова В.Л.* Русское литературное ударение XVIII – XIX вв. – М.: Наука, 1979. – 329 с.
19. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1979. – Т.4. – 683 с.
20. *Милькеев Е.Л.* Сочинения // URL: <http://az/lib/ru/m/milxkeew> (дата обращения: 22.09.2011).
21. *Обнорский С.П.* Именное склонение в современном русском языке. – М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 418 с.
22. Москвитянин. – 1843. – № 6. – 600 с.
23. *Крупчанов Л.М.* История русской литературной критики XIX века. – М.: Высш. шк., 2005. – 383 с.

ACCENTUAL ESTIMATIONS OF NOUNS IN THE RUSSIAN CRITICAL LITERATURE IN 1ST HALF OF XIX-TH CENTURY

I.B.Serebryanaya

This article is devoted to the accentual estimations in the Russian critical literature in the 1st half of XIX century. The problems of the norm and deviations from it, the correlation of objective and subjective in the language development are also discussed.

Key words: culture of speech, history of word accentuation, criticism of poetic language.

* * * * *

Серебряная Ирина Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: i_serebrjanaja@mail.ru

Поступила в редакцию 26.09.2011